

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПОСЛѢ ДѢТСКАГО БАЛА.

РАЗСКАЗЪ.

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ межъ темныхъ липъ.

Викторъ Гофманъ.

I.

У Ниночки колотилось сердце въ груди, когда, осторожно отдѣлившись отъ группы дѣвочекъ, она быстро скользнула въ боковую аллею, и среди темныхъ кустовъ и деревьевъ добѣжала до стараго дуба, у котораго ей назначилъ свиданіе Петя.

Дѣтскій балъ только-что кончился. Музыка стихла. Вдали сквозь вѣтви, едва-едва мерцали развѣшанные въ главной аллеѣ фонарики, словно большіе, причудливые свѣтляки. Внизу, подъ откосомъ, слабо журчала вода, потому что рѣчка въ этомъ мѣстѣ дѣлала крутой изгибъ. Пахло папоротникомъ и калиной.

Петя, при приближеніи Ниночки, вскочилъ съ земли.

— Ну, вотъ я пришла,—сказала она, не зная, что говорить.

Петя былъ смущенъ не меньше Ниночки; онъ ее взялъ за руки, усадилъ рядомъ съ собой на кражистомъ корнѣ дуба, неловко и неумѣло выговаривалъ слова, которыя заранѣе приготовилъ:

— Ты—смѣлая дѣвочка, Нина... Я это въ тебѣ цѣню... Мнѣ было необходимо тебя видѣть... Потому что... Потому что я долженъ тебѣ сказать... Тебѣ сказать, что я люблю тебя...

Ниночка разсмѣялась, и ей стало почти весело.

— Какой ты глупый, Петя! Тебѣ вѣтъ двѣнадцати лѣтъ. Мы—дѣти. Намъ надо учиться. А любить мы будемъ, когда станемъ большими.

Если бы не было такъ темно подъ дубомъ, куда дотягивали свои крючковатыя вѣтви кусты, росшіе по рѣчному откосу, можно было бы увидѣть, какъ Петя покраснѣлъ. Пусть взрослые еже-

минутно ставятъ ему на видъ, что онъ ребенокъ, но зачѣмъ это говорить ему Ниночка, которая не старше его, которая, во всякомъ случаѣ, знаетъ или понимаетъ меньше, чѣмъ онъ. Петя сказалъ раздраженно:

— Есть люди, которые любятъ однажды въ жизни. Я тебя полюбилъ, Нина, съ первой минуты, какъ увидалъ. И я буду вѣренъ моей любви, хотя бы мнѣ пришлось изъ-за нея умереть. Знаешь, у Лермонтова написано въ его тетрадяхъ при одномъ стихотвореніи: „я второй разъ полюбилъ двѣнадцати лѣтъ, и понынѣ ее люблю“.

— Такъ то Лермонтовъ!

— Ну, да ты это теперь говоришь, когда онъ написалъ „Демона“ и ему въ Пятигорскѣ поставили памятникъ. Но, когда ему было столько же лѣтъ, сколько теперь мнѣ, онъ еще ничего не писалъ... А, впрочемъ, если ты не любишь, скажи это прямо. У меня достанетъ силъ пережить все. Я буду любить тебя молча, и не скажу тебѣ больше о своей любви ни слова, никогда въ жизни.

Петя всталъ съ земли и сложилъ на груди руки, чтобы выразить отчаянье. Ниночкѣ стало жаль прервать такъ быстро свиданіе, котораго, съ волненіемъ, ждала она весь день. Да и вовсе было не правда, что она не любила Петю: онъ очень ей нравился, онъ совсѣмъ не похожъ былъ на другихъ мальчиковъ, и, можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ поэтъ.

Ниночка позвала Петю:

— Ты не уходи, садись опять рядомъ. Я вѣдь только сказала, что ты не Лермонтовъ.

— Нѣтъ, ты должна сперва мнѣ отвѣтить, любишь ли ты меня!

— Этого нельзя спрашивать.

— Какое мнѣ дѣло, можно или нельзя. Я хочу знать, и ты должна отвѣтить.

— Ну, можетъ-быть, люблю.

Петя опять сѣлъ на корнѣ около Ниночки и взялъ ее за руку. Ниночка не посмѣла отнять руку, чтобы онъ опять не разсердился.

— А тебя дома не хватятся?—спросилъ Петя.

— Нѣтъ, мнѣ позволили гулять до одиннадцати...

II.

Понемногу ихъ смущеніе проходило; имъ становилось хорошо наединѣ. Вдалекѣ, въ главной аллеѣ, опять заигралъ оркестръ, такъ какъ начался балъ для взрослыхъ. Звуки музыки, проходя сквозь влажную зелень, уплывая вдаль надъ зарѣчными лугами, казались удивительно нѣжными. Было темно вокругъ, лишь наверху, бѣлыми точечками, блистали звѣзды. И подъ эту невидимую музыку, въ этой зеленоватой тѣни, легко было говорить обо всемъ, о чемъ не говорятъ днемъ.

— Кромѣ тебя, я не буду принадлежать ни одной женщинѣ,—сказалъ Петя.

— Неправда,—возразила Ниночка,—у мужчинъ до свадьбы всегда бывають разные любовныя приключенія.

— Ты это говоришь съ чужихъ словъ, а сама не понимаешь, что это значить.

— Ошибаешься, я не такая глупая. Это въ прежнее время дѣвочекъ воспитывали въ институтахъ и рассказывали имъ всякія басни. А теперь намъ объясняютъ все прямо.

— Кто же тебѣ все объяснилъ?

— Мнѣ?—мама, сама. Когда мы съ ней купались, она мнѣ сказала, что такое мужчина и что такое женщина. Потомъ показала атласъ съ картинками.

Петя совсѣмъ прижался къ Ниночкѣ. Онъ отклонилъ ея голову къ самому стволу дуба, чтобы укрыться въ тѣнь. Хотѣлось не смотрѣть другъ на друга и говорить все тише и тише. Они почти шептались, почти не двигались. Ихъ руки были переплетены и пальцы сжимали пальцы.

— Скажи, Ниночка,—шепнулъ Петя,—ты мечтаешь иногда о томъ, что ты замужемъ и что мужъ тебя обнимаетъ и ласкаетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивай, Петя, объ этомъ,—отвѣчала Ниночка,—мнѣ стыдно.

— Въ этомъ нѣтъ ничего стыднаго. И вообще стыдъ—это вздоръ. Вѣдь влюбленные обнимаютъ и ласкаютъ другъ друга, и ихъ за то прославляютъ въ романахъ и стихахъ. Если двое любятъ, они должны отдаться одинъ другому: этого требуетъ любовь.

— И неужели они бываютъ раздѣтые?

— Кто?

— Тѣ... которые отдаются... которые любятъ... какъ это должно быть страшно!

— Какая ты странная! Развѣ влюбленнымъ можетъ быть страшно другъ друга? Въ томъ, кого любишь, нравится все...

— Но вѣдь это они дѣлаютъ, чтобы имѣть дѣтей...

— Опять глупости. Дѣти тутъ не при чемъ. Дѣти не всегда бываютъ... А любовь сама по себѣ.

— Но вотъ мнѣ подруга рассказывала, ея сестра замужъ вышла...

Слова Ниночки перешли въ тихій, тихій шопотъ; она или не докончила рѣчи, или Петя не разслышалъ этого окончанія. Дѣти теперь почти лежали у ствола дуба, слабо прислонясь къ нему сближенными шеями. Сквозь тонкое, лѣтнее платье Ниночки Петя чувствовалъ теплоту и испарину ея тѣла. Отъ этой теплоты живого существа, отъ этого едва различимаго запаха у него кружилась голова. Они оба дышали трудно и прерывисто.

Звуки плавнаго вальса закружились въ лабиринтѣ липовой листвы. Взрывъ голосовъ долетѣлъ съ легкимъ вздохомъ случайнаго вѣтерка. Внизу, у рѣки, близъ ключа, прокричала ночная птица, проснувшись внезапно. Бѣлыя звѣзды были неподвижны, прямо надъ головами, въ синемъ, непрозрачномъ небѣ.

Короткая юбочка Ниночки поднялась отъ лежанія на землѣ. Петя прикасался ногой къ обнаженному колѣну Ниночки. Рукой онъ ощущалъ кружево ея бѣлья. Обнявъ ее другой рукой, онъ ее поцѣловалъ въ шею.

— Петя! Петя! этого нельзя,—шептала она, не сопротивляясь.

Онъ продолжалъ цѣловать ей шею. Потомъ грудь сквозь платье. Потомъ онъ сползъ ниже, прижался губами къ ея колѣну, и рѣзче проникъ въ его ноздри запахъ тѣла. Онъ цѣловалъ ноги Ниночки, ему хотѣлось вонзить въ нихъ зубы, кусать ее...

III.

Голосъ чужой и строгій заставилъ ихъ въ ужасѣ вскочить и откинуться одному отъ другого.

Передъ ними была княгиня, задумчиво гулявшая по темнымъ аллеямъ и натолкнувшаяся на сцену свиданія.

— Это кто? Это ты, Петя? Это ты, Ниночка?—говорила она.

Княгиня стояла во главѣ всего маленькаго дачнаго общества. Она присвоила себѣ право дѣлать замѣчанія юношамъ и барышнямъ. Она кокетничала тѣмъ, что была много старше ихъ всѣхъ.

Ей показалось, что дѣтямъ она обязана сдѣлать выговоръ.

— Вы съ ума сошли убѣгать въ темныя аллеи,—сказала она.—Вотъ я все расскажу твоему отцу, Петя, и твоей матери, Нина! Не слишкомъ ли рано вы затѣяли цѣловаться на свиданіяхъ? Сейчасъ же отправляйтесь по домамъ!

Ниночка уже рыдала и, закрывъ лицо обѣими ладонями, она медленно пошла по узкой липовой аллеѣ. Въ душѣ у нея былъ стыдъ и отчаяніе, ей представлялось, что вся ея жизнь сломалась, такъ что нельзя ее и поправить. Она готова была броситься въ омутъ; только бы избѣгнуть объясненій, которыя ждали ее дома.

Петя видѣлъ слезы Ниночки; онъ считалъ, что долженъ вступить за нея, ее защитить, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Онъ стоялъ передъ княгиней, безъ шляпы, покраснѣвшій, то готовый тоже плакать, то заговорить съ ней, какъ равный.

— А ты ступай другой дорогой,—сказала ему княгиня.— Выкинь изъ головы глупости и возмись за книжки, будетъ полезнѣе.

Петя, наконецъ, овладѣлъ своимъ голосомъ и сказалъ:

— Я ее люблю, она моя невѣста, мы имѣемъ право быть вмѣстѣ. А вы почему вмѣшиваетесь въ наше дѣло?

Княгиня начала весело смѣяться и сѣла на томъ самомъ корнѣ, гдѣ только-что сидѣла Ниночка. Тамъ княгиня заняла мѣста вдвое больше, и весь ея обликъ, крупный, полный, удивительно подходилъ къ мощному стволу дуба. Она глядѣла прямо въ лицо мальчику и спрашивала безжалостно:

— Вотъ какъ, она твоя невѣста? Вы обручились? И, какъ ея будущій мужъ, ты имѣешь на нея права? Можешь ея цѣловать? Даже ея ноги?

Петя молчалъ. Онъ былъ милъ и красивъ на фонѣ темной, ночной зелени, со спутанными волосами, съ разстегнутымъ воротомъ куртки, похожій на юношу съ одного изъ портретовъ Ванъ-Дика.

Взявъ Петю за руку, княгиня привлекла его къ себѣ.

— Итакъ, ты влюбленъ въ Ниночку?—спросила она.—Ее одну любишь? И ее одну хочешь цѣловать?

Потомъ, голосомъ болѣе лукавымъ:

— Тебѣ очень нравится цѣловать ея колѣни?

Свѣтъ фонариковъ все мелькалъ сквозь листву, и звуки музыки все звучали, и также, какъ раньше, пахло папоротникомъ и калиной. Но эти огни, эти звуки, эти запахи уже въ чемъ-то стали иными, ихъ нѣжность разрѣшилась въ какую-то остроту. И бѣлыя звѣзды въ небѣ стали болѣе крупными, и

листья липъ, шевелимыя случайнымъ вѣтеркомъ, качались странныѣ и загадочныѣ.

— А ты не хочешь поцѣловать мои колѣни?

Княгиня приподняла платье; Петя опять увидѣлъ розоватое пятно тѣла и надъ нимъ бѣлое кружево.

Петя сталъ на колѣни. Онъ прижался губами къ тѣлу. Запахъ болѣе жгучій, чѣмъ раньше, болѣе пьянительный, болѣе необычайный, вошелъ въ его ноздри: запахъ женскаго тѣла и запахъ сильныхъ духовъ.

Тѣснѣе и судорожнѣе Петя прижался губами къ тѣлу. Надъ собой онъ слышалъ тихій и нѣжный голосъ княгини...

